

АНДРЕЙ
ИЛЬИН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Небольшой уютный зал.

Стол красного дерева, кресла из натуральной кожи крокодила, приглушенный свет, картины на стенах. Естественно, подлинники известных художников.

И публика. Избранная. Которую по «ящику» не увидишь. Потому что они лицами не торгуют.

Они торгуют другим.

— Господа, я рад что после стольких раундов переговоров, мы наконец пришли к единому мнению относительно обсуждаемого здесь контракта. Заключение его откроет новые финансовые горизонты для всех участников сторон. Не скрою, путь к решению был долгим и трудным, имели место различные противоречия и объективные сложности. Которые мы, тем не менее, смогли преодолеть. О сумме контракта я говорить не стану, вы о ней все осведомлены. Но, по оценкам экспертов, это третий по значимости контракт в мировом рейтинге проектов этого года. С чем вас с удовольствием поздравляю. Это серьезный успех.

Все согласно закивали.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы поставить подписи под главным соглашением, где оговорены суммы, участие и ответственность сторон и приступить к реализации этого грандиозного...

Один из присутствующих поднял руку.

— Да. Что у вас?

— Хочу внести уточнение. — Человек встал, чуть поклонился. — Господа, у меня небольшая для всех информа-

ция. Я хочу сообщить, что наша... что моя компания выходит из настоящего контракта в одностороннем порядке...

Повисла мертвая, кладбищенская тишина. Взгляды, все взоры устремились на выступавшего.

— Но позвольте! Как же так? Мы собрались... — начал было распорядитель.

— Простите, господа. Но так сложились обстоятельства. Это окончательное решение. О причинах позвольте мне не распространяться. Надеюсь, вы сможете найти других достойных компаньонов. Мы были очень рады сотрудничеству с вами. Спасибо...

Человек собрал со стола бумаги, сунул их в папочку и, сдержанно поклонившись, пошел к выходу, провожаемый взглядами.

Третий в мировом рейтинге контракт не состоялся...

* * *

Текст был пространным, страниц на десять. И был совершенно бессмысленным — про какие-то там лесозаготовки с перечислением сортов деревьев, делянок, кубов и прочей технической ерундой. Которую, если читать, то скулы от скуки сведет.

Если всё подряд читать...

А если не всё и не подряд... Если выборочно, выбирая отдельные слова и цифры, в определенной последовательности, соединяя их по специальной формуле в столбцы, то текст приобретал иной смысл.

Потому что в нем были широта и долгота.

И было время...

Место и время встречи...

* * *

Курорт был так себе, не из самых раскрученных.

И страна не из первой десятки.

И сезон — не самый лучший.

И отдыхающих не так уж много.

Но отдыхающие — были. Катались себе по склонам, пили глинтвейн и пиво в барах, оттягивались в парилках и плавали в бассейнах.

Новый постоялец вышел из отеля. Спросил:

— Где у вас тут склоны помягче, но так, чтобы народа поменьше?

Хотя лучше местных знал всё про эти склоны, дороги, подъемники и развязки. Например, знал, как по старой па-стусьей тропе выйти к перевалу, по склону которого по-пасть из этого государства в соседнее, знал названия и пла-нировки отелей с той стороны и имена администраторов, чтобы если что, сойти за своего, знал расписание и номе-ра автобусов, которые могли доставить его на железнодо-рожный вокзал к местному поезду... И даже знал коорди-наты заброшенного альпинистского приюта, где в самом крайнем случае можно было отсидеться недели две-три...

Много чего знал, о чем население даже не догадывалось.

Потому что это была обычная подготовительная рабо-та — изучить местность и наметить все возможные, в том числе экзотические, пути эвакуации. А иначе как? Потом, если до плохого дойдет, думать будет некогда...

Погода была прекрасная, с видимостью, как говорят пилоты: сто на сто. Хрен при такой подкрадешься близко. И хрен дрон с фото и видеокамерами подвесишь, потому что если голову задрать, то можно космос увидеть.

Хорошее место.

— Ну, я пошел.

Новоиспеченный горнолыжник забросил на плечо лыжи и пошел к подъемнику.

Ничем не примечательный, среднестатистический от-дыхающий, в типичной одежде, с примелькавшимся сна-ряжением, «европланктон», сменивший на неделю «ак-вариум» офиса на недорогие снежные горные склоны. Один — из десятков тысяч.

Подъемник потащился вверх. Далеко не на всех сиде-нях были люди. Ну, и хорошо. Плохо, когда людей совсем нет, и ты один, как вошь на гребешке. Но и не хорошо, ког-да людей много.

Приехали...

«Отдыхающий» встал на лыжи и довольно уверенно поехал по склону. Потому что пришлось научиться, взять уроков десять именно для этой поездки. Чтобы сойти за горнолыжника.

Снег скрипел под лыжами, солнце светило, снег искрился. Всё, как на рекламных буклетах. Он свернул чуть в сторону с трассы и тут вдруг сбоку к нему метнулась какая-то тень.

Секунда... Сшиблись... Свалились в снег, покатались вниз сцепленным клубком. Что за идиот, перед собой не смотрит! Или совсем ездить не умеет?

Затормозились. Осмотрелись, ощупались. Вроде целы.

— Вы что, не видели? Вы как ездите!

— Не бухти, — тихо сказал лыжник. По-русски. — Сиди проверяй, ремонтируй крепления. Короче, делай что-нибудь. — И сам стал ковыряться в лыжах, озабоченно качая головой.

Куратор. Всё понятно. Нашел место, выбрал время и придумал повод. Самый простой и естественный — сбить с ног человека, чтобы естественным образом познакомиться. Теперь вот чинит лыжи, хотя кругом ни души и ни куста, за которым можно было бы спрятаться. Но всё равно, он что-то такое изображает.

— Ай-ай, как же так случилось, вы уж простите... — и вполголоса: — Слушай внимательно и запоминай. У нас ЧП — погибли два работника торгпредства. Все на ухах. На место отправлены все возможные спецслужбы, вплоть до участковых. И нас пригребли...

— Но мы внутренняя разведка! Мы только дома...

— Это ты им расскажи. Есть прямой приказ Первого — выехать и разобраться на месте, а ему мы перечить не должны. Можем только исполнять.

— Как же тут разбираться, если нельзя светиться?

— А это твои проблемы. Разбираться надо и результат на-гора выдать, но так, чтобы ни одна живая душа. Ну, ты правила знаешь...

Правила он знал, правила были известные: если ты высунулся, засветил свое личико и если кто-то заподозрил

тебя в принадлежности к Организации, то цепочку преврут на тебе. Потому что никто никогда ни под каким видом, даже на уровне подозрений... И это есть «верхнее» правило, которое над всеми прочими правилами, потому что тайна Организации выше жизни ее отдельных работников. И даже всех.

— Ох, простите. Если я нанес вам какой-то урон, я готов возместить его... — Слова, слова... Словесная шелуха, как дымовая завеса вокруг главного. — Снимешь тайник, там вся необходимая информация и деньги на первый случай. Больше ничем помочь тебе не смогу.

Ну, это понятно: они всегда соло, и всегда хоть наизнанку вывернись. Нет у них помощников, кроме тех, которых они могут раздобыть сами. И нет выделяемых средств — изыскивай сам, где и как хочешь. И даже отеческого слова не услышишь, а лишь короткие приказы. Крутись, крутись, агент, как змеюка на раскаленной сковородке. И ни на что и ни на кого не рассчитывай. Только на себя!

Потому что твоя организация — это фата-моргана, которая то ли есть, то ли ее нет, потому как без штабов, зданий, званий, бюджетов и тому подобной бюрократической мишуры. В лучшем случае, сидят три замшелых начальника под «крышей» какой-нибудь мелкой шарашки, вроде жилконторы, на окраине страны, на которых в кошмарном сне не подумаешь. Но только попробуй послушаться или преступить, или нарушить — и тебе прилетит. В лоб или по лбу. Но почти всегда со смертельным исходом. Потому что такие правила: за всё отвечаешь не кошельком или увольнением, а башкой. И не только своей, но и своих близких, которые вечные заложники.

И как тут дёрнуться, как нарушить, предать или просто сачкануть? Никак! Оттого и результаты. Хотя и один, как голый в поле...

Хотя почему один? Нет, не один. И не голый. Потому что были учебки, где тебе преподавали такие уроки, которые больше никому другому! Где научили выживать, добывать, убивать и умирать. Дали тот инструментарий, который в любой ситуации поможет. Как универсальная отмычка! И разрешили действовать без оглядки на статьи

Уголовного кодекса, как если по законам военного времени. Где ты лично сам приступаешь, а если надо, то и судишь, и приводишь в исполнение. Потому-то и стоит Организация десятилетиями. Ведь нельзя найти и прихватить тех, кого нет! А если прихватить, то Организация, как ящерица, отбросит свой, за который ухватились, хвост. А хвост тот — это чья-то жизнь.

— Все подробности в закладке под семнадцатой опорой подъёмника на восточном склоне. Семьдесят сантиметров от южного угла. Вот пульт.

Пульт оказался обычным автомобильным брелоком. Только без машины.

— Связь только по аварийному каналу и только в самом крайнем случае. Трудись... И не пуха тебе... Еще раз извините! Так нехорошо получилось... — Неловкий горнолыжник подхватил свои лыжи и поковылял вверх по склону.

Контакт состоялся.

Задание было получено.

Остался пустячок — исполнить это задание.

* * *

Семнадцатая опора.

Закладка.

Не какая-то обычная, дохлая, к которой прикоснуться противно, кошка, не куча дерьма и не обычный на вид бультерьер. Просто фотоаппарат. Который обронил какой-то, поднимавшийся наверх роторей-турист. Типичная цифровая «мыльница». Которую никто не стал искать, потому что поди, найди ее в сугробе.

Этот — нашел.

Отсчитал от нужного угла сантиметры, нажал брелок, который привычно, как если машину открывать, пикнул. Вот теперь можно брать закладку. Потому что, если не «пикнуть», так тот фотоаппарат рванет не хуже гранаты, сжигая в пепел все внутренности. И еще раз рванет, если не повторить нажатие через четыре минуты — это на случай возможной засады.

Теперь копнуть и радостно вытянуть из-под снега находку. Радостно — это на случай, если его кто-то видит. Хотя кому видеть? Во все стороны от опоры никаких естественных укрытий, за которыми можно спрятаться. Да и проехал он здесь сверху раз десять, любуясь окрестным пейзажем в двадцатикратный бинокль. Но, тем не менее, порядок есть порядок.

Как хорошо: нашел потерю. А думал, что уже всё!

Повертел, обтёр фотоаппарат, сунул в карман. И пошел себе довольный прочь. Чтобы уже в номере, совсем в другом номере другого отеля в другом городе, рассмотреть снимки. Самые обычные — горные вершины, улыбки лыжников, ослепительное солнце... Типичная курортная лабу-да — глазу зацепиться не за что. Но если вытащить карту памяти, засунуть ее в ноутбук и прогнать через специальную программу, то... получишь чистый лист. Потому что читать карту можно лишь через специальный внешний диск-ковод, который подходит к ней как ключ к замку. Но и тогда увидишь лишь бессмысленный набор знаков и цифр. Которые еще расшифровать надобно! Такая сложносочиненная, хотя и привычная схема. И так, что у нас там?

Город.

Адреса.

Фамилии, должности, характеристики и недавнее местожительство покойников.

Краткое описание происшествия.

А подробнее?

Огнестрелы. Один из пострадавших дома чистил ружье и случайно выстрелил в грудь своему приятелю. После чего, из чувства раскаяния, из того же ружья бабахнул себе в голову.

А почему раскаялся и выстрелил? Потому что до этого употребил совместно со своей жертвой внутрь две бутылки ямайского рома.

Очень интересно.

А за каким он чистил ружье, когда охотничий сезон еще был не открыт? И зачем, взявшись за чистку, загнал в ствол патрон? Причем не дробь единичку, а картечь, с ко-

торой на медведя ходят? Где это он в Европе собрался медведей валить?

Странно всё это. А что в Интернете пишут?

Вначале официальная хроника. Где ответственные лица сообщают о безвременном уходе двух ответственных работников в самом расцвете сил в результате несчастного случая. И даже не уточняют какого.

Ну, понятно, сор из таких изб не выгребают, оставляют гнить внутри.

А что местная пресса?

И тут понятно... Русские пьяницы, влив в себя смертельную для европейца дозу спиртного, почувствовали себя как дома и учинили выяснение отношений с применением огнестрельного оружия, что лишний раз доказывает их непредсказуемость и агрессивность. Потому что европейцы, распив двести граммов спиртного, пошли бы себе тихо спать, не забыв при этом убавить громкость у телевизора, выключить газ и осветительные приборы. Ну, да. В своем болоте всегда чужих куликов грязью мажут. Так и должно быть.

Что еще?

Больше ничего. И даже на форумах по этому поводу никто не высказывается, кроме защитников живой природы, которые призывают запретить любые формы охоты и рыбалки, чтобы сохранить жизнь животным, включая насаживаемых на крючок червяков и самих охотников.

Как-то это событие никого не взволновало. Кроме, конечно, своих. Которые вряд ли поверили в случайные выстрелы и самострелы. Но этим лишняя шумиха ни к чему. Подробнее можно разобраться только на месте.

Значит, путь туда.

* * *

- Уважаемые, мне нужно открыть шенгенскую визу.
- Без проблем, были бы деньги.
- Деньги есть.
- Тогда давайте загранпаспорт.

— Деньги есть, а вот паспорта нет.

— Послушайте, тогда вам надо обратиться в миграционную службу по месту жительства.

— Это не для меня. Для моего хорошего знакомого. У него нет постоянного места жительства. Нет заграника. И нет общегражданского паспорта. Но есть фотография. Три на четыре.

— Тогда мы ничем не можем ему помочь.

— Но вы же Севе Рваному помогли?

— Что? Кому?

— Севе Рваному, который в бегах. Которого «зеленый прокурор» освободил. Он весной с зоны подорвался, а вы его всеми ксивами снабдили. И он теперь со своей телухой на Мальдивах на пляже парится. Вместо нар. Что вы невинность строите? Я ведь к вам не с улицы, мне уважаемые люди ваш адресок шепнули. Вы ведь не только Севу через «нитку» перекинули. Он не один теперь за границей. Например, Мирона...

Всех урок в своем регионе Резидент знал. До последнего. И кто они есть в преступной иерархии, и где теперь обитают, и чем занимаются. Работа такая — всё про всех знать.

«Уважаемые» переглянулись.

— Кто навел?

— Не важно. Или мне рекомендательные письма с лепухой принести? Или вы сомневаетесь не от ментов ли я пришел? Тогда бы я пришел не один, потому что по совокупности вам меньше десятки не светит. Но если вы боитесь, я вам теперь деньги оставлю и фото, а паспорт вы можете куда-нибудь подбросить, ну, типа я его на улице нашел. Чтобы никакой мент не прикопался. Лады?

Кивнули.

— Сколько?

— Десять тысяч. Зелеными.

— А не дорого за фальшак запрашиваете?

— Так это смотря какой. У нас такса. Можно дешевле, но тогда без гарантии, что краснопёрые на границе не прищучат. Гербовая бумага нынче дорого стоит. «Нитку» лучше переходить по сухопутке, на юге, через Румынию или Болгарию. Там вполглаза смотрят, и, если что, можно отбрехаться.

- Тогда мне еще пару удостоверений.
— Каких?
— Разных. Я скажу...

* * *

Центр Европы. Небольшой городок. Около «Макдоналса» стоит человек. По виду турист из Америки, потому что вызывающе радостный, улыбчивый, в ярких шортах, белых кроссовках, с фотоаппаратом и видеокамерой на животе, с путеводителем в одной руке и бургером в другой.

Он, нимало не обращая внимания на прохожих, торчит посреди тротуара, спрыгивает на проезжую часть, вскакивает на скамейки в поисках хорошего ракурса для кадра, щелкает фотоаппаратом, размахивает руками и вскрикивает возбужденно: «Yes!» и «O'kay!»

Ну и за каким он сюда приехал? На что здесь смотреть, когда ничего высмотреть невозможно? Трупы увезены в морг, квартира опечатана, на подходах толкуются все, кому не лень, начиная от внешней разведки и заканчивая польской службой безопасности. Не столько чтобы разобраться, сколько отчитаться перед вышестоящим начальством. Командировочные оправдать. Ох, уж эти российские привычки: вначале долго клювом щелкать, а после табунами ходить.

Соваться в этот чардаш не хочется. Тем более, ничего не выходишь — это тебе не Россия, где запросто можно пломбы срывать, вваливаться к соседям и стращая их статья-ми УК, добиваться показаний. Хоть даже признательных. К этим — не ворвешься, эти сразу адвокатов и полицию вызовут. Ничего здесь нахрапом не узнать! Побродят наши спецы по ресторанам и значным местам, а после состряпают отчет, близкий к выводам местного следствия. Ну, может еще над трупами, которые на Родину вывезут и поколдуют.

Не могут они тут как дома привыкли, никого здесь их красные корочки не пугают. Иные здесь порядки. И оттого результаты нулевые...

— O'kay!

Уходить отсюда надо, пока не примелькался. Место происшествия и все подходы отфотографированы, расстояния измерены, планы составлены. Со всем этим можно теперь в тиши кабинета поработать. Yes?

Американский турист еще немного поулыбался, попрыгал, снимал, покричал, дожевал свой бургер, допил колу и убыл. В известном ему направлении.

* * *

И что тут?

А ничего.

Дом по их меркам многоэтажный — четыре этажа. Два входа: один с улицы, другой со двора, где цветочки, клумбочки и беседки. Двор один на несколько домов. Это плохо. И крыши стоящих вдоль улицы зданий соединяются вместе, что уж совсем паршиво, так как по ним можно пешком, как по тротуару ходить. То есть, киллеры, если предположить, что таковые были, могли попасть в квартиру с четырех сторон: с улицы, со двора, с крыши через подъезд и с нее же через балкон. Видеокамер на подходах конечно нет, потому как это ущемляет свободы местных граждан, которые истолковывают видеонаблюдение как вмешательство в их личную жизнь. Вдруг он в носу или еще где надумает поковыряться, а это снимут?

Всё, приехали.

Вся дополнительная информация — в местной полиции. И она к ней за просто так не допустит. И не за так — не допустит. Здесь все законопослушные и взятки не берут, боясь пенсию потерять. Ну, по крайней мере, у случайных знакомых не берут. А... если не у случайных?

Ну, наверное, можно попытаться найти подходы, потому что всегда есть способы. Не инопланетяне же они... Вопрос — надо ли? Что он может здесь узнать? Например, про то, что кто-то слышал выстрелы. Ну, допустим. Слышали... Возможно заметили каких-то незнакомцев, но это вряд ли. А если что и видели, то какие-то неясные тени. А если не тени, то маски на физиономиях. А если не маски,